

в Москве. Во-вторых, Выготский и Лурия также получили приглашения на работу в Харьков и одновременно с Леонтьевым начали там работать, хотя не столь решительно, как Леонтьев: не “вина” последнего, что именно он оказался в положении единственного реального лидера Харьковской группы, и что только в Харькове с его помощью сложился сильный коллектив единомышленников, взявших идеи культурно-исторической психологии на вооружение, а в Москве (или где-либо еще) такого коллектива не возникло. В-третьих,

на фоне идейного кризиса Выготский сам дистанцировался от содержательного общения, что подтолкнуло Леонтьева к принятию самостоятельных решений, но отнюдь не к какому-либо изменению научных воззрений и человеческих отношений. В-четвертых, отъезд Леонтьева не был теоретическим расколом – ни малейшего намека на это нет в тексте письма, и позднейшие письма и действия Выготского служат этому недвусмысленным подтверждением, заодно опровергая и миф об “измене” и “не восстановившихся отношениях”.

А.Н. ЛЕОНТЬЕВ И ЕГО ВРЕМЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ*

© 2003 г. Е. Е. Соколова

Канд. психол. наук, доцент, кафедра общей психологии, МГУ, Москва

Предлагаемые вниманию читателя заметки не являются в собственном смысле статьей, решающей какую-либо научную проблему. Это объединенные в более или менее связанное целое фрагменты воспоминаний об Алексее Николаевиче Леонтьеве людей, которые имели возможность общаться с ним, видеть и слышать его в аудиториях и кабинетах и даже сотрудничать с ним во вторую половину его жизни, – словом, очевидцев¹. Как и все мемуары, эти воспоминания достаточно субъективны, поэтому цель представленной работы – вовлечение их в своеобразный диалог друг с другом, ведь именно на пересечении различных “субъективных правд” и возможно достижение более или менее объективной исторической истины. Впрочем, я не следую модной тенденции современной мемуаристики “свергать кумиров с пьедестала”. В представлении “психологического портрета” А.Н. Леонтьева я опираюсь на воспоминания тех, кто, не всегда относясь к нему однозначно, любил или просто уважал его.

Публикуемый текст обращен прежде всего к начинающим психологам, которые знакомы с творчеством А.Н. Леонтьева лишь по его работам, трудным, по мнению многих, для понимания и изложения. Возможно, предлагаемые воспоми-

нения более старших коллег помогут молодым психологам глубже проникнуть в тайны этих трудов, созданных в весьма нелегкий период истории нашей страны.

Как это ни странно для меня (ведь всегда хочется быть моложе, чем на самом деле), но я тоже отношусь к очевидцам. Правда, мои воспоминания ограничены отдельными эпизодами встреч с А.Н. Леонтьевым как студентки первого и второго курсов, которая еще очень мало понимала в психологии вообще и в творчестве Леонтьева в частности. Я поступила на дневное отделение факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 1976 г. и, к моему большому сожалению, не слушала курса лекций Леонтьева по общей психологии (последние в своей жизни лекции он читал студентам, старшим нас на год). Тем не менее, отдельные его выступления, на которых я побывала, запечатлелись в моей памяти и в конспектах, которые я, прилежная студентка, вела практически стенографически. Но самая первая встреча с Леонтьевым произошла еще раньше: перед началом нашего первого учебного года он как декан факультета психологии МГУ вручал нам студенческие билеты. Мы, вчерашние абитуриенты, сидели в самой большой аудитории (тогда 51, сейчас 310) здания факультета психологии на проспекте Маркса (ныне ул. Моховая), нас по очереди вызывали к столу, и Алексей Николаевич каждому вручал его студенческий, крепко пожимая руку и говоря пару напутственных слов. Многие из знавших его отмечали в разных воспоминаниях, что в его внешности было нечто демоническое, мефистофельское. Он был всегда худощав и немного сутул, с густыми, тщательно зачесанными темными волосами с небольшой седinouй. По мнению Артура Владимировича Петровского, он бы мог без грима играть Воланда из “Мастера и Маргариты”; по его же воспоминаниям, когда Леонтьев

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 02-06-00382а).

¹ Представленные в тексте фрагменты взяты из проведенных в 2002 г. интервью с использованием звукозаписывающей техники и (иногда) видеокамеры в рамках исследовательского проекта, имеющего своей целью создание и обработку материалов “устной истории” школы А.Н. Леонтьева (руководитель проекта – Е.Е. Соколова, исполнители – Е.А. Загряжская и А.А. Яковлева). Материалы всех интервью пока еще не расшифрованы и будут использованы в последующих публикациях в рамках указанного проекта. Пользуясь случаем, хочется поблагодарить всех давших нам интервью – и тех, чьи высказывания приводятся в публикуемом тексте, и тех, чьи интервью будут еще использованы впоследствии.

приехал на один из психологических конгрессов в Канаду, местные газеты писали о “дьяволоподобном русском”. Мне, смотревшей в это время на всех преподавателей МГУ как на небожителей, ничего такого дьявольского в облике А.Н. Леонтьева не виделось, но запомнился его пронзительный, умный взгляд.

Практически все, с кем нам пришлось разговаривать о Леонтьеве, отмечали этот пристальный взгляд, которым он как рентгеном будто просвечивал человека насквозь. Так, Антонина Николаевна Ждан вспоминает, как Леонтьев, например, подводил итоги работы кафедры за год, оценивая ее общие результаты: «Алексей Николаевич пристально смотрел на каждого из присутствующих, переводя свой острый, проникающий в самую душу взгляд с одного лица на другое и, не ограничиваясь общими итогами, говорил примерно такие слова: “Вклад каждого из членов кафедры был неодинаков”». И говорилось это так, что казалось: эти слова относятся персонально к тебе. И после этого хотелось подтянуться, сделать больше и лучше. Аналогичным было поведение Леонтьева на заседаниях ученого совета по защите диссертаций: Леонтьев на них никогда не опаздывал, а приходил заранее, садился за стол, вытянув шею и поворачивая голову то направо, то налево, выжидательно смотрел, как заполняется аудитория, можно ли было начинать.

Читателю может показаться, что Леонтьев был подобен надзирателю, который следит за порядком и никому не дает спуска. Вовсе нет. Ему важно было участие каждого в обсуждении всех вопросов деятельности факультета, а если по каким-то причинам человек уклонялся от этого, подобного рода меры должны были заставить человека перестать быть равнодушным. Тем более, что люди вовлекались в обсуждение вовсе не только таким “авторитарным” способом. Леонтьев очень увлекался всем тем, чем в данную минуту занимался, и пытался увлечь этим же делом других весьма разными путями. Очень красиво он это делал на лекциях, чему я сама была свидетельницей, поскольку лекция Леонтьева была первой в моей жизни в МГУ. Она была вступительной, предваряющей курс лекций по общей психологии (раздел “Введение в психологию”), который нам читала Ю.Б. Гиппенрейтер. В лекции Леонтьев говорил о неоднозначном решении проблемы предмета психологии и множественности определений предмета, о значении культурно-исторического подхода для решения этого вопроса, но я не касаюсь сейчас содержания лекции, — меня поразила ее форма. Довольно часто Леонтьев произносил фразы типа: “Ну, Вы, конечно, знаете...”, “Помните, как имярек говорил то-то и то-то...”, при этом явно обращался к одному из сидящих в аудитории и как-то по-особому улыбался. А тот из студентов или преподавателей, к кому он обра-

щался, радостно кивал головой или еще как-нибудь выражал свое согласие с ним... А я обмирала от ужаса — я-то ничего этого не знала, мне казалось, что все сидящие вокруг знали гораздо больше меня и что мне никогда не достичь такой высоты — ни в уровне знаний, ни в умении так свободно выражать свои мысли. И мне хотелось, придя домой, тут же ликвидировать свои досадные пробелы, — я читала много раз один и тот же психологический текст, рылась в энциклопедии и справочниках: так он тянул нас за собой.

Но, оказывается, многие в студенческие годы испытывали то же самое. Так, Вячеслав Андреевич Иванников, слушавший лекции А.Н. Леонтьева еще в 1961 г., отмечал: «У него была такая манера: он выбирал кого-нибудь и говорил: “Ну, вы понимаете...” ... Протягивал руку, пальцы выгибались наружу и при этом делал вдох носом, как будто бы шутливо... А про что говорил, иногда было совсем непонятно... Приходилось кивать... Мне казалось, что я что-то не понимаю только потому, что я из деревни...».

Подавляющее большинство людей, с которыми мы проводили интервью, говорили о сложности восприятия его лекций студентами. Вспоминает Инна Владимировна Равич-Щербо, слушавшая Леонтьева еще в 40-е г. XX в., сразу после войны: “Мы даже ходили к нему с делегацией от курса с просьбой рассказывать нам так, чтобы было понятно. Он отреагировал на это добро-иронично. Он сказал, что он это знает, но что мы должны привыкать, это профессиональный язык, надо уметь пользоваться этим языком, надо уметь понимать; все было по-доброму, и мы ушли не столько удовлетворенные, сколько нам было стыдно... за то, что мы пришли с такой непрофессиональной просьбой”.

В.А. Иванников поведал нам о следующем примечательном эпизоде из своей студенческой жизни: “Я увидел Алексея Николаевича, когда у нас была первая лекция по психологии... Впечатления от его лекций я сохранил до сих пор. Самое мое большое удивление было то, что наши студенты (а их было человек 11–12) не могли их записывать и не писали за ним. И я помню, что в середине семестра его лекции стали посещать студенты 5 курса ..., потому что они поступали в аспирантуру... Был такой эпизод (теперь-то я понимаю, что тогда меня это очень обидело). Между лекциями был перерыв 10 минут, я вышел, а потом зачем-то вошел в аудиторию и увидел, что около моей тетрадки стояло человека 3 или 4 пятикурсников и читали мой конспект. Я был потрясен... Я и так-то смущался, потому что из деревни... Москва... С нами иностранцы учились — из Венгрии, Румынии, Вьетнама... Думаю: надо же, поиздеваться решили над студентом... Вот эта обида была много-много лет, а потом одна

тогдашняя пятикурсница рассказала мне, что они были потрясены: студент первого курса записывает лекцию за Леонтьевым, – а они ничего не понимают, что он говорит... Они, студенты пятого курса...”.

Впрочем, некоторым слушателям лекции Леонтьева не казались такими уж сложными для восприятия: нравилась именно их сложность, методологическая насыщенность. Сергей Николаевич Ениколопов высказывает свое мнение о лекциях Леонтьева: “Его лекции были напряженными... Они сильно контрастировали с лекциями других преподавателей, которые читали их студентам, как сотрудникам ЖЭКа, то есть непрофессионалам... То, что он всегда думал на лекциях, было видно”.

Аналогичного мнения и Зоя Алексеевна Решетова, которая слушала лекции Леонтьева сразу после войны: “Наша группа его лекции очень любила, он выступал не только как лектор, но и как личность. Его страстность, уверенность, доказательность нас всех завораживала. Мы росли на дискуссиях, которые были в начале нашего обучения психологии. Он очень рано, можно сказать, с первого курса активно, настойчиво формировал нашу методологическую направленность, определявшую все остальное”.

Чем же можно объяснить столь разные мнения о лекциях одного и того же человека? Мне кажется, кое-кто из наших собеседников достаточно четко ответил на этот вопрос: “Он читал лекции для подготовленных студентов” (В.А. Иванников). Очень похожее мнение у О.В. Овчинниковой: “Мне кажется, он был все-таки лектором для продвинутых... Либо уж совсем для начинающих, которым нужно просто схватить общий облик, общие установки, полет мысли человека”..., и в то же время она видит основную сложность восприятия лекций Леонтьева в приводимой им системе аргументации, длинных фразах, отступлениях...

Сложность восприятия его лекций С.Н. Ениколопов объясняет «его пристрастностью, личностью... Он любил строить лекцию на основе того, чем был сейчас увлечен. Например, вышла книга Тейяр де Шардена “Феномен человека”, и было видно по лекциям Алексея Николаевича, как книга меняет человека. Или рассказывал пример из личной жизни, и это просилось в лекцию, и шло не просто рассуждение о психофизической или психофизиологической проблеме, а как это отражается в его личной биографии...».

Многие из вспоминавших о Леонтьеве говорят о том, что его лекции не очень похожи на строго учебные – это были размышления вслух, причем у многих создалось впечатление, что та или иная мысль родилась только что, здесь и сейчас, и для тех, кто принимал подобный стиль лекций, слу-

шать их было подлинным наслаждением. Однако все: и те, кто считал лекции Леонтьева сложными для понимания, и те, кто любил этот интеллектуальный праздник мысли, – удостоверяют, что его лекции завораживали, очаровывали, производили неотразимое впечатление. З.А. Решетова отмечала: «Он заряжал своим темпераментом, пристрастностью... Я не думаю, что он кого-нибудь оставил равнодушным. На его лекции приходило много людей – и взрослых, и посторонних... Это личное сочетание страстности или пристрастности, эта эмоциональность, доверие, возможность корректного спора... Он снимал “стену” между студентом и собой, на равных обращался с вопросами: “Как Вы думаете? А Вы, пожалуй, правы...”».

А.Н. Ждан отмечает артистизм Леонтьева при чтении лекций. И.В. Равич-Щербо убеждена, что этот дар был “естественным, это был не сценический, не сделанный артистизм”. При этом многие считают, что мимика Леонтьева невоспроизводима и что никакие фотографии не могут передать все обаяние живого Леонтьева. Все наши собеседники вспоминали его руки (“У него были очень красивые руки, – замечает О.В. Овчинникова, – безупречные, ухоженные, крупные, мягкие... его жесты, которые мы – только что пришедшие на факультет студенты – вдруг с удивлением отмечали у более молодых преподавателей, ведущих семинары”. З.А. Решетова рассказывала, что когда на ее лекции приходили ее бывшие однокурсники, тоже слушавшие в свое время лекции Леонтьева, они говорили ей: “Как же ты похожа на Леонтьева”. “Мне, конечно, до Леонтьева слишком далеко, – добавила Зоя Алексеевна, – но некоторая внешняя манера поведения невольно как-то мной воспроизводилась”.

Завершали картину внешнего облика А.Н. Леонтьева безупречно сидевшие на нем костюмы всегда с белыми рубашками и неизменным галстуком – это была его “форменная одежда”. Все наши собеседники, как один, отмечали необыкновенную его элегантность, которая, по мнению многих, проявлялась не только в его облике, но и в мыслях.

Можно многое еще сказать о внешнем впечатлении, производимом Леонтьевым на окружающих, но вдумчивого читателя больше заинтересует внутренняя подоплека этого поведения, его внутреннее содержание. Попытаемся проникнуть в “ядро” личности А.Н. Леонтьева, которое, надо отметить, было в достаточной степени скрыто от большинства окружающих его людей (он сам как-то в разговоре с А.Н. Ждан сказал о себе: “компенсированный интроверт”). Поэтому для решения поставленной задачи нельзя ограничиться, например, впечатлениями студентов, слушавших его лекции, – необходимо обратиться к

воспоминаниям тех, кто гораздо ближе знал Алексея Николаевича и мог наблюдать его поступки в других условиях и ситуациях.

Многие его студенты и аспиранты, постоянно общавшиеся с ним в связи с курсовыми, дипломными и диссертационными работами, отмечают, что он никогда не жалел на них времени. Вспоминает З.А. Решетова: "Редкий день, когда я не бывала у него дома... по разным случаям, в основном для консультаций по теме... Если я приезжала утром, меня сажали завтракать, если к обеду — обедать, вечером — ужинать... Часто выезжала на дачу. Алексей Николаевич всегда выходил встречать меня к остановке, от нее было далеко идти...". Равич-Щербо констатирует, что в ее памяти осталась большая увлеченность Леонтьева обсуждаемыми проблемами: "Складывалось впечатление при разговоре с ним, что твоя тема — чуть ли не главное в его жизни. Я не сомневаюсь, что так было с каждым из нас. У нас не было "коллективных сидений". Очевидно, он предпочитал беседовать с каждым персонально».

Он вообще очень любил "возиться" с молодежью, видя в ней будущее психологической науки. Многие вспоминали, с каким трудом он оставил на факультете, выбив для них прописку и должности, довольно большую группу молодых людей, которые стали сейчас известными психологами.

При этом он общался с молодежью не только по поводу научных дел. Леонтьев много внимания уделял подготовке к смотрам художественной самодеятельности, присутствовал на концертах, принимал участие в обсуждении результатов. Однажды на смотре художественной самодеятельности факультет психологии МГУ занял одно из последних мест — потому что общая тональность концерта была расценена комиссией МГУ как "пессимистическая" (вспомним, в какое время это происходило — оценивалось прежде всего политическое и идеологическое "наполнение" концертов), несмотря на то, что художественный уровень концерта был достаточно высок. А.Н.Ждан вспоминает, что факультет "гудел" от этих итогов, а Алексей Николаевич терпеливо и долго разговаривал с участниками концерта, — проводил с ними, по существу, психотерапевтическую работу, потому что знал, что изменить ничего нельзя, но можно помочь пережить, а он это умел делать замечательно.

Отдельный разговор — о создании Леонтьевым института психологических школ, где студенты и преподаватели в неформальной обстановке (например, в спортивном лагере МГУ в Пицунде, на берегу Черного моря) могли обсуждать все возникающие у них вопросы. "У меня не было ощущения, — вспоминал С.Н. Ениколопов, — что кто-либо из преподавателей того времени был бы для

нас недоступным. Они создавали профессионально грамотную, комфортную среду... Тогда они точно знали, что большинство студентов будут работать в психологии и формировали среду. Это очень важно. Они работали на опережение».

Собеседники Леонтьева, его сотрудники и оппоненты не могли пожаловаться на отсутствие внимания со стороны Алексея Николаевича — на них он никогда не жалел времени. Вспоминает А.В. Петровский: "Если говорить о его привычках, то тут очень легко сопоставить два типа общения с двумя выдающимися нашими учеными — Алексеем Николаевичем и Александром Романовичем. Почти каждый день я разговаривал по телефону и с тем, и с другим, но по-разному. Утром звонил Александр Романович. Коротко, деловито он высказывал свои соображения по поводу того, что нам надо делать сегодня: что будет делать он и что он ждет от меня. Разговор длился примерно полторы минуты — по-американски коротко. Я получал напутствие на целый день. Вечером звонил Алексей Николаевич. У меня была трубка на длинном шнуре. Сначала я сидел у телефона, потом вставал и ходил по комнате, потом я ложился на диван и мы продолжали разговор. "Это был исключительно интересный разговор..."

Многие наши собеседники отмечали как характерную черту Алексея Николаевича (а также психологов его поколения) особый стиль полемики со своими оппонентами. Внешне очень корректный стиль общения явно выражал внутреннее интеллигентное отношение к мнениям других, которые можно не разделять, но при этом необходимо уважать право на иную точку зрения: "Все, что осталось в памяти о наших стариках, наших учителях, — это были люди не показной, а настоящей интеллигентности. И она никогда не позволяла им (ведь по-разному складывались отношения между ними) опускаться до неприличий (хотя критерии приличий сейчас тоже очень изменились), до многого, что позволяло себе следующее поколение, тем более молодое, и что теперь чуть ли не норма" (И.В. Равич-Щербо).

"Когда возникают какие-то ситуации научной конфронтации, — говорил нам А.В. Петровский, — они невольно задевают личность. Но вместе с тем люди такого уровня, как Леонтьев, Теплов, Смирнов, Запорожец, никогда не ставили знак равенства между спором на уровне различных научных школ и личными отношениями". Леонтьев был блестящим собеседником, мастером афоризмов, замечает О.В. Овчинникова: «Он никогда не вел пустых разговоров. Если к месту нужен был анекдот, был анекдот, если нужна реплика — реплика... Он вообще был мастер реплик коротких, точных... Однажды мы ехали вместе в купе..., скучно в поезде, стучит, а он говорит: "Я в поезде

сплю пунктиром»». Теперь я понимаю, добавила Ольга Васильевна, что такое «спать пунктиром».

Едва ли не все наши собеседники подчеркивают, что Леонтьев был очень увлекающимся человеком. То, что его увлечения выходили за пределы психологической науки, чувствовалось на любой лекции с ее экскурсами в историю, литературу, другие науки. На меня совершенно неизгладимое впечатление произвели его лекции по проблеме целеобразования, недавно опубликованные в издании «Лекции по общей психологии». В качестве примера были приведены различные типы целеобразования у двух реально живших людей – Ч. Дарвина и Л. Пастера. О жизненном пути этих ученых в контексте развиваемых им идей о целеобразовании Леонтьев говорит так подробно, с таким знанием дела, что очевидно: он глубоко разбирается в биологии, химии, биохимии, медицине и во многих иных науках. Леонтьев в совершенстве знал французский язык и был одно время сопредседателем общества дружбы СССР–Франция. А ведь были еще литература, театр, кинематограф...

Однако главным, «системообразующим» мотивом всей деятельности А.Н. Леонтьева было сохранение и развитие психологической науки. «Я не могу сказать, – вспоминает А.В. Петровский, – что он не думал о своих интересах. Но у него на первом месте была психологическая наука. Была такая популярная песенка: “Эй, вратарь, готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот. Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет”... Он все время чувствовал, что за ним пограничная полоса, что за ним психология, которую надо защищать, не допускать падения ее уровня. У него вызывало возмущение поведение одного видного психолога, который с удивительной легкостью позволял защищать докторские диссертации, которые не соответствовали уровню докторских работ. Он считал, что в данном случае это подрывает престиж науки. К сожалению, сегодня этот критерий потерян... Я говорю это авторитетно, потому что был в течение шести лет членом президиума высшего аттестационного комитета. При Леонтьеве это было невозможно. Он не пропускал то, что считал мусором науки».

Мы все знаем вклад Алексея Николаевича в развитие теории и методологии психологической науки. В меньшей степени известно, что Леонтьев был и оставался блестящим экспериментатором. Как вспоминает О.В. Овчинникова, он «не то что сожалел, но как-то сокрушался, что мало работал в эксперименте. У него были хорошие руки, он мог много чего собрать... На моих глазах он уже не экспериментировал, но, наверное, времени уже не было – такие глыбы сворачивал, и административная работа. Но он всегда отзывал-

ся очень на какие-то экспериментальные схемы, поддерживал их, если нужно – подсказывал что-то в ходе обсуждения...”

И, конечно, оставаясь великим ученым, Леонтьев был не менее выдающимся научным “менеджером”. Все хорошо знают, сколько он сделал для психологической науки вообще и для факультета психологии, в частности, как администратор. “Именно из-за этого, – замечает его внук Д.А. Леонтьев, – он многое недоделал, как ученый, но ведь и это было мощным творческим делом... Что важнее, трудно разобрать, но ведь и то, и другое осталось...”

Не забудем, что Алексею Николаевичу пришлось работать и творить в весьма суровых социокультурных условиях. Естественно, на протяжении его жизни они менялись не раз, и, тем не менее, для психологической науки время было всегда неблагоприятным. Об обстановке в университете во второй половине 40-х гг. XX века вспоминает И.В. Равич-Щербо: “С одной стороны, было много интересного, красивого, я бы сказала, романтического, а с другой стороны каждый жил с сердцем, зажатым в кулачок, потому что никогда не знал, откуда тебя хлестнет, потому что психология была связана со многими науками, и дискуссии в смежных науках ударяли рикошетом, а иногда и напрямую, по психологии”. Неизвестно куда пропадали аспиранты, про многих из них говорили, что они были арестованы. И заслугой Алексея Николаевича И.В. Равич-Щербо считает следующее: несмотря на то, что можно было бы уйти из психологии в это опасное время в более безопасные области (например, в философию, методологию), – Леонтьев и его соратники сохранили психологическую науку даже ценой каких-то компромиссов. “Я бы не стала наших стариков подвергать критике, потому что нам сейчас хорошо говорить про это... Перед каждым из них и не раз, и не два стояла важная нравственная задача: я мог бы высказаться, что я думаю по этому поводу то-то и то-то..., но если я сделаю это, то закроют институт, как закрыли многое, а это не только наука. Это люди, их судьбы, у многих семьи... Дорогой ценой можно было за это заплатить. Это обязательно надо иметь в виду, прежде чем осуждать их. А вернее сказать, осуждать их просто нельзя. И то, что они все вместе... сумели во всех перипетиях жизни сохранить отечественную психологическую науку, которая подвергалась ударам со всех сторон, – что где ни произойдет, в психологии аukaется..., – это огромное дело”. “Это был человек с большим внутренним самоконтролем, – замечает Д.А. Леонтьев, – который жил в таких хронотопах, где постоянно необходимо контролировать то, что говоришь и пишешь. Когда однажды моего деда спросили, почему он пишет так сложно, он ответил, что в свое время его научили писать так, чтобы нельзя

было вырвать фразу из контекста и посадить за нее". "Ему было о чем молчать в его жизни, – добавляет Д.А. Леонтьев, – и он очень много молчал..."

Очень сложная тема – взаимоотношение А.Н. Леонтьева с его учителями в психологии и, прежде всего, с Л.С. Выготским. Многочисленные воспоминания свидетельствуют о том, что в последние годы жизни Выготского его взаимоотношения с Леонтьевым были трудными и неоднозначными. Но вот совсем недавно в архиве А.Р. Лурии обнаружилось письмо А.Н. Леонтьева к Л.С. Выготскому, датированное 1932 годом, которое многое меняет в понимании отношений между ними. О нем нам сообщил Д.А. Леонтьев, особенно подчеркнув то обстоятельство, что в этом письме Алексей Николаевич "берет на себя большую личную ответственность за сохранение чистоты линии Выготского; он остался верен культурно-исторической парадигме" и, как утверждает Дмитрий Алексеевич, даже упрекает самого Выготского в некотором отступлении от этой линии. Вообще, по мнению Д.А. Леонтьева, Алексей Николаевич никогда не отделял свою теорию от теории Л.С. Выготского. Она является возможным продолжением идей Льва Семеновича; он ничего из них не отрицает, но идет дальше. Аналогичны воспоминания С.Н. Ениколопова: Леонтьев никогда не говорил о противопоставлении деятельностного подхода идеям Выготского, наоборот, складывалось впечатление, что Л.С. Выготский – это икона в красном углу, Учитель.

Как человек, Алексей Николаевич не был лишен некоторых слабостей, что можно во многом объяснить условиями его жизни. Некоторые из наших собеседников отмечали, что он проявлял особое законопослушание, имея дело с партийными руководителями. Известен эпизод, когда Леонтьев отказался подавать документы на выборы в АН СССР, поскольку высокий партийный деятель по некоторым своим соображениям "не рекомендовал" ему делать это. Леонтьев сам был членом КПСС, и М.Г. Ярошевского когда-то неприятно поразило, что одним из важнейших событий в своей жизни Леонтьев считал вступление в партию, о чем он не преминул заметить на своем 50-летнем юбилее². Однако вспомним, что это было сказано в начале 1953 года. А О.В. Овчинникова считает, что, будучи членом партии, Леонтьев не был "пламенным партийцем", слепо следующим всем указаниям свыше. Для него пребывание в партии, считает она, имело "то ли осознанный, то ли неосознанный мотив, что все-таки я могу как-то на что-то повлиять".

² Из интервью, данного М.Г. Ярошевским автору данной статьи и В.В. Умрихиной 18 января 1997 г.

Многие вспоминают, что Леонтьев любил "руководящие посты". Но, заняв тот или иной пост, он использовал его для блага психологической науки. А.Н. Ждан всегда поражало, как он умел придать всем "спущенным сверху" мероприятиям содержательный смысл; из всего того, что навязывалось, он делал то, что важно, интересно и нужно.

"Алексей Николаевич в моей памяти остался как человек незаурядный, – вспоминает Н.Ф. Талызина. – Это не значит, что у него не было своих слабостей. Например, мне всегда было даже смешно: он был очень податлив, когда о нем говорили или писали что-то хорошее. Меня это удивляло. Потому что в моих глазах на такой высоте обращать внимание на то, что кто-то что-то сказал о его лекции... Алексей Николаевич был для меня на пьедестале. Но он всегда очень радовался, когда кто-то говорил что-то о его статье или лекции..."

Леонтьев во многом рассматривал свою деятельность в психологической науке как поле боя, но он мог успешно сражаться за психологию только потому, что у него был "надежный тыл" – теплый, уютный дом, удивительная семья. О доме, в котором она была практически на правах члена семьи, вспоминает З.А. Решетова: "За столом всегда велись разговоры... Иногда к столу выходила его мама. Она была большеглазой, круглолицей, полной противоположностью своего супруга. Она была женщина властная, волевая, Алексей Николаевич похож на нее, а не на отца. Выходила она позже всех, в белом жабо или красивом декоративном воротничке, на ней всегда было шелковое платье..., садилась на председательское место, подавалась супница, она разливала суп на правах хозяйки стола и все с уважением к ней относились. Когда справлялось 50-летие Алексея Николаевича, я была в комиссии по организации юбилея... Первые слова благодарности Алексея Николаевича были отцу и матери, близким, потом жене, Маргарите Петровне, она ему очень помогала. Это глубоко меня тронуло. Послевоенное поколение стало более агрессивным, жестоким, менее внимательным к родителям, и это до сих пор сейчас идет, усиливается. А тут – первые слова благодарности отцу с матерью... Вообще там чувствовалась семья, семейный уклад был хороший, дружный... Алексей Николаевич много шутил. Приятная атмосфера была у него дома". Про хлебосольный и гостеприимный дом Леонтьевых рассказывают абсолютно все, кто там бывал.

Вспоминает Ю.А. Кораблева, много лет работавшая в АПН РСФСР (ныне РАО) и ставшая близким другом семьи Алексея Николаевича: "Маргарита Петровна была как жена совершенно потрясающая. С Алексеем Николаевичем

было справляться совсем не просто. Он был человеком с характером, как и положено настоящему мужчине. Она с ним справлялась, он ворчал, но слушал. Поворчит недовольно, но слушает. С трех часов до половины пятого, кто бы ни звонил, она говорила: "Алексею Николаевичу нужно отдохнуть" — и ни с кем его не соединяла. Он очень обижался: может быть, звонил кто-то важный. Маргарита Петровна говорила: "Ну и что? Через полчаса позвонят опять. Ничего не случится... Я же знаю, кому можно так сказать, а кому нет..."...Был очень гостеприимный дом, можно было попить чайку, поговорить душевно. Не было ощущения, что надо было быстро уходить, что все торопится; они умели сделать свой дом приятным. Я чувствовала себя с ними, как с близкими мне людьми".

Завершая обзор воспоминаний некоторых знавших Леонтьева людей, не могу не сказать о том, о чем говорили практически все участвовавшие в проведенных нами историко-психологических интервью. Можно было бы списать эти высказывания на "ностальгию" стариков по прошлому, но, во-первых, не все наши собеседники могут быть названы старыми людьми, а, во-вто-

рых, чем плоха ностальгия по лучшим страницам нашей прошлой жизни? Так вот: практически все наши собеседники сетовали на то, что современные молодые психологи не ценят традиций, оставленных нам в наследство нашими предшественниками и, в частности, А.Н. Леонтьевым. Говорили о методологической беспечности многих современных работ, о прагматической их ориентации взамен глубокой теоретической и методологической обоснованности, об отсутствии критичности в восприятии зарубежного опыта и игнорировании опыта отечественной психологии, о девальвации нравственных ценностей в практической психологической работе и т.п. На мой взгляд, подобного рода нигилизм молодого поколения психологов объясняется не только существенно изменившимися социокультурными условиями работы психологов в нашей стране, но и недостаточным знанием и преподаванием "живой" истории психологии. Поэтому сбор материалов "устной истории" психологической науки в нашей стране остается весьма актуальной задачей как собственно историков психологии, так и всех тех, кто уверен, что в психологии необходимо "работать на опережение".